

«ОТДАТЬ ТО, ЧТО ПРИНЯЛ.»

У нас в гостях — православная писательница

Светлана РЫБАКОВА, автор и составитель недавно вышедшей книги «На перекрёстках Вечности», читая которую, можно, не отправляясь в далёкие паломничества, познакомиться с жизнью и верой наших сестёр и братьев во Христе в самых разных уголках планеты, стать свидетелем благовестия Христа всему миру...

— Светлана, давайте «начнём с начала»: как Вы стали писательницей? Это было мечтой детства или получилось «случайно»? С чего началось Ваше литературное творчество, что ему предшествовало?

— Конечно же, я не собиралась быть писателем, мне в голову это не приходило; в детстве я мечтала стать балериной! А в восьмом классе прочитала объявление в газете и пошла записываться в детскую театральную студию при Дворце культуры, которой руководил замечательный человек Николай Николаевич Задорожный... Тут надо немного остановиться и рассказать о нём, потому что именно этот человек сыграл очень большую роль в моей жизни.

Дело было в Волгодонске. Это был молодой, развивающийся город, с атомной промышленностью,

с бурным строительством... Туда и приехала из Саратова моя мама ради получения квартиры. Время было такое, что строчки из песни «мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз» были очень актуальны. Да и романтика имела место. Романтика и привела талантливо-го выпускника ГИТИСа, которому предлагали остаться работать в Москве, в город Волгодонск. Он хотел создать свой театр, без интриг, без склок, без зависти, театр, в котором царили бы настоящая любовь и искреннее уважение между актёрами.

И это ему удалось! Достаточно сказать, что самые мои верные надёжные друзья всю жизнь — выходцы из нашей детской театральной семьи...

Николай Николаевич учил нас нести окружающим радость, радоваться успехам друг друга и «не уходить в быт», подниматься над ним,

Он говорил: «Вы не обязательно станете профессиональными артистами, но вы должны быть творческими людьми!» Но, кстати, из его воспитанников вышло немало и профессиональных артистов, которые трудаются сегодня в столичных театрах.

В 1990 году проходил Первый Международный фестиваль детских театров, куда наша студия «Этюд» привезла «Снегурочку». На обсуждении спектаклей присутствующие при этом иностранцы (кажется, англичане) сказали, что если бы присуждались места, то этот спектакль занял бы первое место. Ребята приглашали на гастроли в Голландию (да у родителей студийцев денег не было, чтобы отправить детей за границу!); нашего режиссёра звалиставить спектакли в Японии и других странах. Но он не поехал — не смог оставить своих ребят. Часто к нам в

студию приходили «хулиганы», побывавшие в детской комнате милиции, — и тут они преображались, находили своё призвание, своё место в жизни. Многие из нашей театральной семьи впоследствии стали церковными людьми, а два человека посвятили себя Богу, приняли иноческий постриг. Это при том, что Николай Николаевич ничего не говорил нам о вере, но вся его жизнь была наполнена христианством. Скорее всего, он не был крещён, хотя это тайна... У него была серьёзная извращенная болезнь, и наши врачи не смогли его спасти. Иногда думаю, что за границей его бы вылечили, но он не захотел предать своих воспитанников и предпочёл смерть на Родине. Последние его слова на смертном одре были обращены к нам. Одному из студийцев, присутствующему при его кончине, он ска-

зал: «Передай всем, что я их очень люблю».

В наше время безотцовщины

Николай Николаевич многим заменил отца.

Вот этот человек первый и увидел во мне литературные задатки. В подражание лентюзовскому спектаклю «Открытый урок» мы наблюдали сцены из реальной жизни, а потом играли по nim этиоты на сцене. Когда я принесла свои написанные для постановки этиотики, Николай Николаевич прочитал их и сказал:

«Света, вам надо писать! А в актрисы

он не советовал мне идти — категорически!

— Но Вы, конечно же, его не послушали?

— Да, попытка «пойти в актрисы» была, к счастью, несостоявшаяся. Когда я немного повращалась в этой околотеатральной полубогемной

**РЫБАНОВА
Светлана Николаевна**

Родилась в городе Саратове. В 1994 году окончила Московский государственный институт культуры по специальности «Библиотековедение и библиография». В 2003 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Училась на семинаре прозы у профессора Михаила Петровича Лобanova.

В 2002 году стала членом Союза писателей России.

Автор сборника рассказов «Круг жизни» (2004); книг «Чудеса и судьбы икон Божией Матери в XX веке» (2008); «Русские монастыри и храмы: Путешествие по святым местам» (2009); автор-составитель книги «На перекрестках вечности. Мир глазами паломников» (2011); составитель двухтомника Тропариона «Милосердия двери отверзи нам...» (2005).

В соавторстве с Мариной Анашкевич вышли книги: «Самые знаменитые храмы Москвы» (2007) и «Москва златоглавая» (2008).

Но первая книга Светланы Рыбаковой была детской — «Сказка о Светлой Радости», вышедшая в 1999 году (переиздавалась трижды). Сборник детских рассказов «Настоящее счастье» вышел в 2003 году (переиздавался дважды). Сейчас готовится к выходу ещё несколько детских книг.

Статьи Светланы Рыбаковой печатались в журналах «Наши современники», «Русский дом», «Держава», «Православная беседа».

Активно сотрудничает с журналами «Москва», «Славянка», «Божий мир», «Свечечка».

среде, я поняла, как далека она от той семейной атмосферы, которая была в нашей студии...

— Но как всё-таки произошло рождение писательницы Светланы Рыбаковой?

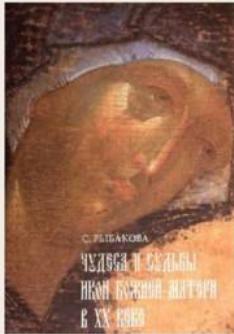
— Это случилось... в больничной палате! Но до этого уже были годы работы в библиотеках, светских и приходских, я уже начала воцерковляться, а поскольку я человек эмоциональный, то мой неофитский период проходил очень бурно, так, что напугал на время многих моих близких и друзей... Сейчас, по зрелом размышлении, считаю, что если наши воцерковление сопряжено с отторжением от нас близких, значит, мы делаем что-то не так. Ведь Бог несёт в жизнь любовь и радость, а не раздор и обиды. Но тогда я этого не понимала. И вот в состоянии некоторого вакуума вокруг себя попадаю в больницу, и для меня это было тогда настоящей трагедией — прежде я ничем серьёзным не болела; меня всегда все вокруг любили и баловали, я была радостным человеком. А тут одиночество и «одр болезни» — ну просто конец света! Впала в сильное уныние. И чтобы успокоиться, как барон Мюнхгаузен, стала «тащить себя за волосы»... Что-то во мне включилось, и я начала писать рассказ о судьбе женщины, которая прошла лагерь, пережила потерю близких, но сохранила в себе веру и незлобие. Рассказ про Александру (он вошёл потом в мой первый сборник «Круг жизни») печатался в журнале «Славянка». Я слышала от кого-то эту историю, она невыдуманная. И вот когда я писала её, сама себе как бы показывала: видишь, как жил человек? Сколько всего испытал, перетерпел? И в итоге — мирная, тихая старость, жизнь в Боге. «И у тебя, Света, — говорила я себе, — вся жизнь впереди!» Вот так, между больничными процедурами, на одном дыхании, был написан первый рассказ. Его потом практически не правили, и он стал отчасти моим «пропуском» в литературный институт, потому что, прочитав его, педагог института Светлана Владимировна Молчанова, мой добрый ангел-хранитель, сказала: «Наш человек!»

— Значит, воцерковление предшествовало литературному творчеству? А какими были Ваш путь к Богу? Что привело в Церковь?

— Скорбь. Как говорится в стихотворении, чем глубже скорбь, тем ближе Бог. В моей жизни случилось именно так. Но это личное, и мне не хотелось бы об этом говорить. После всего пережитого пришла, словно приказ извне, властная мысль, что я должна креститься. Не задумываясь даже глубоко, как я верю в Бога, только знала, что надо креститься, и промедление смерти подобно. И, крестившись, снова обрела силы и радость жизни. Но после крещения до первой исповеди прошло ещё года полтора... Знаете, Господь спасает нас через людей, которых нам посыпает. Оглядываясь сегодня назад, я вижу, каких замечательных людей посыпал и посыпает мне Господь! Иногда думаю: «И за что мне такое счастье?» Я работала в районной библиотеке при Солнцевской ЦБС в Переделкине. А эти домашние филиалы при центральных библиотечных системах были очень милы тем, что там складывались дружеские, теплые отношения между читателями и сотрудниками. И вот один такой читатель как-то раз принёс ко мне в библиотеку котёнка, которого подобрал на улице и которого надо было пристроить. Котёнка определили, а читатель познакомил меня с прекрасной добрым женщиной, Маргаритой Ивановной Павловой, человеком верующим и с детства церковным. Она и привела меня на мою первую исповедь. И я начала ходить в знаменитый тогда «неждановский» храм Воскресения Словущего. А на своё первое Рождество попала в Печоры, и вот там во мне и произошёл переворот. Я впервые вблизи увидела монахов — радостных людей, увидела их любовь к людям и поняла, что хочу быть с ними, хочу так же жить с любовью и в простоте. Приехала я туда этакой

Вход в московский Андреевский монастырь, на территории которого размещена Синодальная библиотека, где уже не первый год трудится Светлана Рыбакова

«столичной штучкой», на каблуках, в меховом манто и шляпе, но уже через пару дней переобулась в валенки, повязалась пуховым платком... Когда возвратилась в Москву, меня никто не узнавал; вернулась совершенно другим человеком. Вот тогда и началось мое воцерковление, с частыми паломничествами по святым местам России...

— Светлана, я знаю, что Вам почастливилось заниматься подготовкой издания дневников преподобного Иоанна Кронштадтского. Расскажите об этом.

— Это уже был 1993 год. Я трудилась в библиотеке на подворье Валаамского монастыря в Москве, и там было издательство Валаамского монастыря, которым руководил тогда Сергей Леонидович Кравец, нынешний главный редактор «Православной энциклопедии». Он очень хотел расшифровать дневники отца Иоанна Кронштадтского, увеличенные копии которых привозил из петербургских архивов, и предложил мне в этом поучаствовать.

И вот я стала пытаться расшифровать эти записи, но у меня ничего не получалось. Батюшка ведь был очень занят, спал по три-четыре часа в сутки, и строчки в его дневнике — просто бисер, стенография, да ещё по три-четыре-пять слов вместе. Но мне очень хотелось заниматься этой работой. И тогда я решила найти людей, которые смогут батюшкими записями прочитать. И нашлись такие замечательные люди, которые расшифровывали дневники отца Иоанна, очень трепетно к этому подошли, среди них Марина Либанова, Татьяна Глебова (сейчас она мать Тамара), Виктор Николаевич Николаев... Со временем Сергей Анатольевич создал «Православную энциклопедию» и передал нашу группу в издательство «Отчий дом», которое и довело дело до конца. Эта общая работа сблизила нас. Было много замечательных встреч, поездок в Петербург к преподобному Иоанну Кронштадтскому на Карповку...

— В прошлом году вышла книга «На перекрестках Вечности» с ваши-

ми очерками. Вы являетесь и составителем книги, то есть именно Вы находили авторов, людей, которые сделали для читателей такими близкими и родными далёкие страны, рассказывая о Православии в них. Расскажите, как родилась идея этой книги, как шла разработка надней.

— Тут опять надо немного отступить назад. У меня никогда не было денег, которые позволили бы свободно разъезжать по миру. Дело в том — и я хочу сказать об этом нашем читателям, — что если человек собирается идти трудиться в церковную структуру, он должен быть готов к «утеснениям» всякого рода. Если у него в семье нет надёжного материального тыла, лучше, может быть, и не идти, чтобы не искусться и не зароптать... Работать в миру, а в храме помогать по силам. Но, когда я стала писать (а сначала это были очерки в журналах, потом в соавторстве с Мариной Анашкевич вышла в издательстве «АСТ» книга о православных храмах и монастырях Москвы, а затем о паломничестве по святым местам России), и мы стали платить гонорары, у меня вдруг появились деньги. И я решила, что деньги, которые пришли за творчество, за вдохновение, надо и потратить творчески, вдохновенно, не на быт. И так я попала сначала в Грецию, потом на Святую Землю, а потом и в Европу... И вот тут-то поняла, в этих моих странствиях по свету есть что-то неправдоподобное! Это Господь авансом что-то мне открывает, а поскольку мне дано слово, я должна его передать людям. Так и возникла идея книги. А так как в поездках я вела дневник, что-то записывала, снимала на камеру, у меня уже были черновики, был материал для будущих очерков. Но нужно было расширить географию, и я стала искать авторов, которые тоже расскажут о своих открытиях. И так, потихонечку — книга готовилась 5 лет, с 2006 года, — состоялся этот сборник. Многие авторы приходили неожиданно. Я очень благодарна икону Всеволоду (Филиппьеву): он и сам написал замечательную статью о Японии и помог мне найти отца Августина, написавшего очерк о Синае; Татьяну Весёлкину, расска-

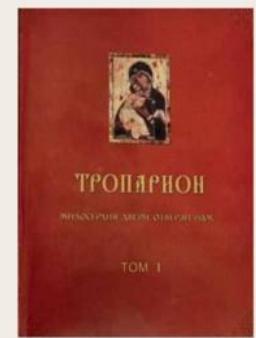
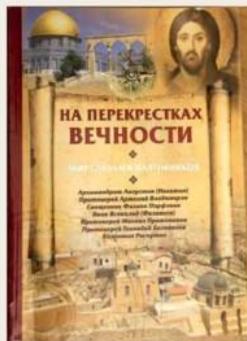
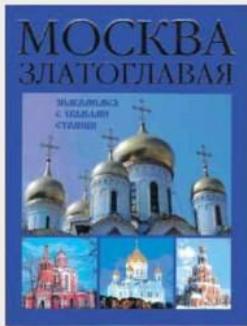
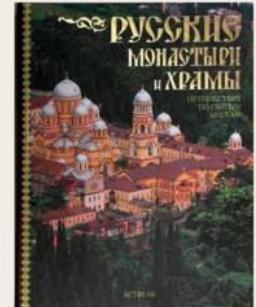
звшую о Православии в Америке; Михаила Талалая, автора статьи об Италии. Замечательный очерк об Афоне писателя Валентина Распутина я увидела в журнале, через моего учителя в лингинституте Михаила Петровича Лобанова и его супругу Татьяну Николаевну связалась с писателем, и таким образом в книгу вошёл и этот очерк. А со статьёй об Австралии помог Нью-Йоркский Владыка Иларион, который сейчас возглавляет Зарубежную Церковь. У этой истории есть предыстория.

Когда я делала первый том книги об иконах Божией Матери, у меня не было интернета. И замечательный, добрящей души человек, коммерческий директор одной туристической фирмы, Зоя Гуськова, несмотря на страшную занятость, сидела со мной после работы допоздна, помогала находить в Интернете нужную информацию. Собирая материал для этой книги, узнала, что список чудотворной Абалакской иконы Божией Матери «Знамение» находится в Австралии. Мне очень хотелось найти хоть какие-нибудь подробности о нём. И мы с Зоей стали отправлять в Австралию письма по электронной почте. Одно, второе, третье... Сначала было долгое молчание, а потом вдруг нам ответил сам Владыка Иларион, очень по-доброму; мало того, что он дал поручение отцу Серифиму Гану помочь в работе, Владыка прислал изображение иконы. И вот, готовя книгу «На перекрёстках Вечности», я послала ему свою просьбу помочь найти автора рассказа об Австралии, и Владыка благословил обратиться к отцу Михаилу Протопопову. Так появился очерк об Австралии. Правда, отец Михаил прислал целую книгу в 200 страниц. (К слову, и другие авторы присыпали очень большие тексты, так что их приходилось сильно сокращать, в чём помогла Людмила Ковалева.)

Среди авторов книги — протоиерей Артемий Владимиров, священник Геннадий Беловолов; замечательные очерки о Сербии написаны журналистом Александрой Никифоровой.

— Вы автор книги об иконах Божией Матери. Что подвигло Вас заняться этой темой? Ведь книги об иконах сегодня выходит множество!

— Когда-то я пела в храме на клиросе, и иногда, когда люди заказывали молебен той или иной иконе Богоматери, возникали трудности, когда надо было найти нужный тропарь. И у меня возникла мысль составить Тропарion и собрать туда

все благословлённые Церковью троепари и молитвы иконам Божией Матери. С другой стороны, работая в приходской библиотеке, я столкнулась с тем, как часто издавались книги, в которых повторялись одни и те же тексты, в основном из Погребенина. Создавалось впечатление, что Матерь Божия оставила Россию Своей помощью и милостью, что вся жизнь, связанная с Её иконами, происходила только до революции! Но это же не так! Когда пришла примерно шестая похожая книга, я решила действовать — к Тропариону прибавив современные истории икон. Но так получилось, что сначала вышел Тропарион, а потом книга об иконах.

Мне хотелось проследить судьбы самых известных икон Божией Матери в двадцатом веке. Ведь через милость Господню, посыпанную по молитвам Богоматери, через Её иконы отдельным людям, через их судьбы раскрывается история нашего Отечества. Как укрепляешься в вере, наполняешься любовью к Богу, когда читаешь о том, как христиане в годы гонений хранили, прятали, сберегали святые иконы, рискуя своей жизнью; видишь огоньки истинной веры, вспыхивающие то тут, то там в самые, казалось бы, глухие, безнадёжные годы! Меня потрясала история иконы Казанской Вышенской. Это было под Тамбовом. Людишли крестным ходом (в это время свирепствовала эпидемия испанки,

и люди молились об избавлении от неё). За это местное ЧК арестовала священников и саму икону. Жители, узнав о глумлении над иконой, о том, что в ней «плевали, шваркали по полу», пошли «стеной» выручать Божию Матерь. Шли бабы, старики, ребятишки. Чекисты открыли по нем огонь из пулёмётов, а они шли, ничего не видя, по трупам, по раненым, лезли напролом, крича: «Машутка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем...» До какого же неописуемого отчаяния доводили красные комиссары русский народ, что люди выбирали смерть...

Первый том делала 8 лет; Интернета у меня тогда, как я уже сказала, не было, сидела в библиотеках, разыскивала информацию в церковных газетах, журналах. Сейчас готовлю второй том (он задержался из-за книги «На перекрёстках Вечности») и, пользуясь случаем, хочу попросить прощения у тех моих читателей, которые давно уже ждут продолжения книги. Сейчас ялагаю максимум усилий, чтобы достичь эту работу до конца.

— Помоги Вам Господь в этом боугодном деле... Но Вы ведь ещё и детские книжки пишете?

— Свою первую сказку «О карандашиках» я написала в восемнадцать лет, чтобы поддержать друга, ко-

торому тогда было плохо. А позже, уже в 90-х, работая в приходской библиотеке, столкнулась с тем, что приходили мамы и просили книжки для детей, а тогда таких книжек было очень мало, я могла предложить им только детскую Библию. И тогда подготовила «самиздат»: сочинила несколько сказок и отпечатала на машинке во многих экземплярах, вырезала листы в форме пасхальных яиц, раскрасила в разные цвета — специально для многодетных мам. Они пришли в восторг; позже эта книжка — «Сказка о Светлой Радости» увидела свет издастельстве «Филадельфия» при красносельском храме Всех святых. — Но сегодня я как автор могу сказать, что книжки для детей издавать гораздо труднее, чем для взрослых. Уже девять лет не могу издать книжку «Катин зоопарк» с рассказами о зверюшках. Моя подруга в детстве ходила в московский зоопарк помогать ухаживать за животными, наблюдала близко их нравы, повадки и рассказала мне несколько забавных историй — о том, как звери дружат, скучают, заботятся друг о друге... Вот такую добрую книжку мне и хотелось издать. В одном издастельстве сказали: «Церковь к зоопарку никакого отношения не имеет!» В другом предпочитают из-

давать только «своих» авторов. В третьем вообще не берут детскую литературу. В четвёртом предложили перелагать жития святых... Но ведь дети — существа душевые, им и сказки, и рассказы нужны, и о зверятах, друзьях наших меньших надо узнать. Отложила всё в долгий ящик: и без того много работы, нет времени бегать по издастельствам. Но мамы спрашивают, когда книжки выйдут, и это заставляет совершать усилия. Слава Богу, нашлось наконец издастельство «Воскресение», где искренне любят детей, и очень стараются сделать для них новую красивую книгу. Ведь дети — наше будущее, и, думаю, на них не надо экономить. Меня всегда удивляло: почему-то в маленькой, небогатой Белоруссии у издастельств находятся деньги на детские книги. Но это отдельный, очень большой и непростой разговор.

— Светлана, в предисловии к Вашей книге «Круг жизни» сказано, что Вы — православный писатель. Как Вы считаете, чем православный писатель отличается от просто писателя? Накладывает ли на Вас это определение особую ответственность?

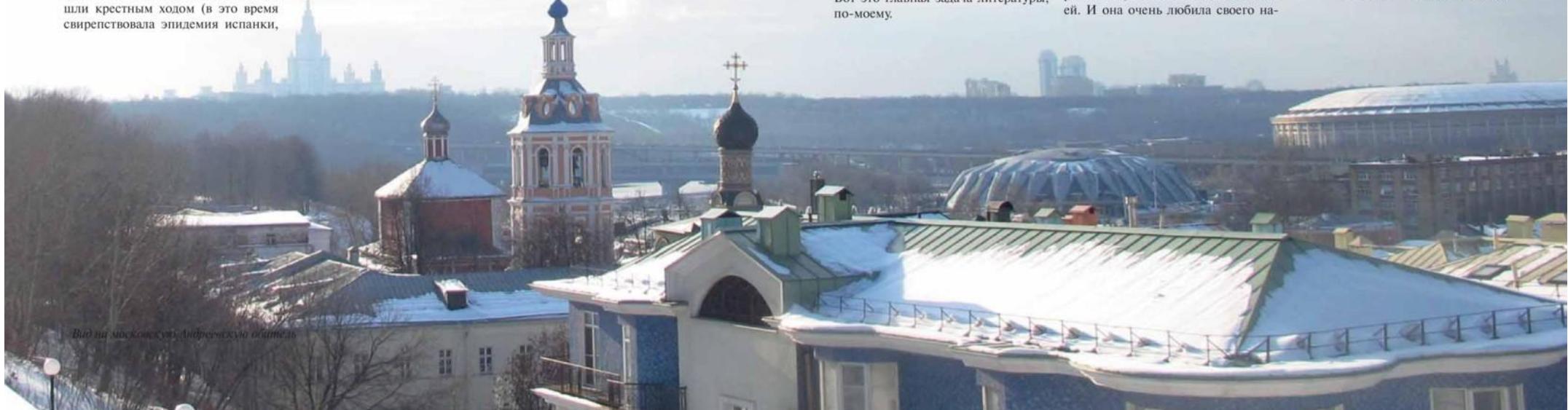
— Мне кажется, лучше, чем Александр Сергеевич Пушкин, не скажешь, отвечая на этот вопрос: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал». Вот это главная задача литературы, по-моему.

Гоголь писал, что русская литература — не в изображении русского сарафана, а в сути духа своего. То же можно сказать и о православной литературе: куда направлен вектор? В вышний, горний мир, или по земле стелется, или вообще — в свиное корытище? Иногда думают, что достаточно, чтобы в произведении были слова о Боге, о Церкви — вот тебе и православный писатель. И порой получается просто профанация подлинной жизни во Христе! А ведь можно сказать о подвижнике христианского духа, ни разу не упомянув о Боге. Такой пример мы находим у замечательного нашего писателя Андрея Платонова в его рассказе «Юшка». Хотя слов о Боге там нет (советская власть этого бы не допустила), но по сути своей это совершенно христианское произведение. Главный герой юродивый (хотя это слово ни разу не произносится) Юшка — чахоточный, больной, всеми презираемый; его примером пугают детей; на нём срывают злость, говорят, что он зря живёт на земле; его в конце концов и убивают его односельчане. И вдруг начинают чувствовать, что без него плохо. А потом в селе появляется красивая девушка, разыскивает Юшку, плачет на его могиле, и оказывается, что этот грязный, «никчёмный» старик взял из детства сироту, дал ей образование, все деньги свои отсыпал ей. И она очень любила своего на-

званого отца, выучилась на медика, чтобы вылечить его... И вот эта девушка остаётся в селе лечить людей, которых обижали и побивали её, как она его называла любовно, Ефима Дмитриевича. Очень всем советую почтить это одно из лучших произведений великого мастера...

...Когда я обрела Христа и смысл жизни, увидела на всём в мире отблеск любви Бога к нам, этот Свет, красоту Божьего мира, мне захотелось поделиться своим видением, своим переживанием с людьми. В те же годы происходили невообразимые перемены: Советский Союз развалился на глазах, начались страшания народа и поиск истинного смысла всего сущего — и я ощущала себя летописцем. Так же чувствовала себя, когда ездила по святым местам, — летописцем, который должен всё увиденное запечатлеть и передать людям. С «фэнтези» у меня проблема: не умею, да и не хочу. Ничего от себя не выдумываю, не сочиняю, пишу только о том, что действительно произошло в жизни... Однажды на семинаре в лингвистическом институте наш студент сказал о моей повести «Домой» (в новом, готовящемся переиздании он будет называться «Кавказский дембель»): «Понятно, что такое не придумаешь — такое только в жизни может случиться»...

Беседовала Татьяна ОГНЕВА

Вид на московскую Андреевскую обитель